

Патрушев Сергей

Люблю и ненавижу

Сергей Патрушев

Люблю и ненавижу

«Автор»

2026

Патрушев С.

Люблю и ненавижу / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алекс — «Левый», серый кардинал преступного мира, человек-тайна, выживший на каторжных островах. Белла — легендарная беглая следователь, гениальный стратег, чья красота скрывает смертельную опасность. Их пути пересекаются в охоте на таинственного «Магистра», собирающего армию механических големов. Вынужденные работать в паре, они ведут изощренную игру: он из теней, она из света салонов. Вынужденный союз перерастает в яростную страсть и столкновение двух идеальных хищников. Сможет ли зима согреть бурю, не уничтожив её, или их любовь станет самым разрушительным оружием в городе?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень на полях	5
Глава 2. Король теней	11
Глава 3. Договор с ворами	18
Глава 4. Любовь и яд	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Патрушев

Люблю и ненавижу

Глава 1. Тень на полях

Ночь в Вер-Роше пахла не озоном и не речной сыростью, как в портовых байках. Она пахла горелым углем, застарелой мочой и страхом. Город-улей дышал этой смесью, выдыхая ее из тысяч каминных труб, сточных канав и вечно приоткрытых ртов испуганных горожан.

Алекс любил этот запах. Он был честным. В отличие от благовоний Верхнего Города, которые маскировали лишь гниль, исходившую от аристократических душ.

Он стоял на карнизе четвертого этажа особняка барона фон Грасса, вцепившись пальцами в ледяной, мокрый от конденсата камень. Внизу, в тридцати футах под ним, булыжная мостовая ждала ошибки. Но Алекс не ошибался. Трущобы Нижнего Кольца, где он учился падать, ломать кости и выживать, были куда менее снисходительным учителем, чем эта гладкая, ухоженная стена.

Заказ пришел через Гильдию Воров, но Гильдия об этом не знала. Гильдия думала, что «Серый Кардинал» — это просто очень дорогой, очень независимый и очень злопамятный медвежатник. На самом деле Алекс давно перерос их иерархию. Он был тем, к кому приходят, когда Гильдия разводит руками, а городская стража уже точит кандалы.

Сегодняшний заказ был изыщен. Графиня Изольда ди Вельмор, женщина с репутацией ядовитой розы и состоянием, способным купить половину Королевского Совета, хотела вернуть свои письма.

Не украсть чужие. Вернуть свои.

Барон фон Грасс, старый павиан с коллекцией гобеленов, изображающих пытки, и не менее обширной коллекцией тайных связей, решил, что эти письма — отличный рычаг давления. Он ошибся. Бароны в Вер-Роше имели свойство умирать от внезапных аневризм, когда переходили дорогу людям калибра Изольды. Алекс же предпочитал более тихие методы.

Он нащупал под камзолом, сшитым из дорогой, но неброской ткани, тонкий стальной прут. Замок на створке окна был работой мастера Брено — изящная вещица, полная ложных пазов и ядовитых игл. Для обычного вора это была стена. Для Алекса — просто головоломка, требующая пяти секунд и абсолютной тишины.

Он вставил прут. Почувствовал сопротивление первой иглы, покрытой парализующим токсином. Сместил угол на полградуса, обходя ловушку. Щелчок. Второй. Третий.

Створка окна поддалась внутрь, не издав ни звука. Петли были смазаны накануне — барон ждал гостей, но явно не этого.

Алекс перетек через подоконник. Комната тонула в бархате ночи, прорезанной лишь узкой полосой лунного света. Пахло сандалом, дорогим табаком и мужским потом. Барон спал в соседней гостиной, куда его спроводила графиня, чтобы «обсудить дела».

Алекс прикрыл глаза, настраивая зрение. Для этого не требовалось магии, хотя в Вер-Роше любой необъяснимый навык списывали на нее. Это была нейробиология выживания, отточенная годами, когда один неверный шаг в темноте означал встречу с крысами-падальщиками. Он видел тепловые контуры мебели, холодные сквозняки из вентиляционных шахт и слабое, ритмичное свечение — барон фон Грасс, развалившийся в кресле, его жирное сердце качало перегретую кровь.

Цель находилась в кабинете. Два этажа вверх.

Алекс не стал пользоваться лестницей для прислуги. Это было бы слишком просто и оставило бы следы пыли. Он пошел по анфиладе парадных залов. Его подошвы из мягкой кожи

касались мозаичного пола, не издавая и шепота. Он двигался в ритме маятника невидимых часов: шаг в тень, замер, оценка акустики, следующий шаг.

В малой гостиной барон всхрипнул. Алекс замер, превратившись в часть тени от огромного глобуса. Глобус был механическим, с подсветкой из светлячков — любимая игрушка нуворишей, пытающихся казаться просвещенными.

Тишина. Только тяжелое сопение барона и далекий, монотонный гул Машинного Ядра города, доносящийся из самых недр.

Алекс продолжил путь.

Кабинет встретил его запахом старой бумаги и оружейного масла. Барон коллекционировал дуэльные пистолеты, но держал их незаряженными — он предпочитал стрелять в спину чужими руками.

Сейф находился за картиной с изображением баталии. Алекс подошел к нему, игнорируя мольберт. Он опустился на колени.

Замок был механическим, но с магнетическим блокиратором. Стандартная защита Гильдии Механиков. Барон купил лучшее, но не понял главного: лучшая защита — это не сложность механизма, а понимание того, как думает вор.

Алекс достал из поясной сумки два предмета: свинцовый стилус и маленький кристалл турмалина. Он приложил стилус к стыку дверцы. Кристалл зажал в зубах.

Он начал медленно, почти не касаясь, вычерчивать на свинце вибрацию замка. Турмалин усиливал частотный резонанс. Алекс слушал не ушами, а костями пальцев. Пять тумблеров. Два магнита. Один ложный паз.

Он надавил на стилус в определенной последовательности, синхронизируя давление с фазой дыхания. Внутри сейфа что-то тихо, почти неслышно пискнуло. Магниты отключились.

Дверца открылась.

Внутри, на бархатной подушечке, лежали они. Три конверта из плотной бумаги с водяным знаком в виде лилии — гербом рода ди Вельмор. Внутри — пергамент, исписанный изящным, летящим почерком Изольды. Письма, которые могли стоить барону головы, а графине — положения.

Алекс не стал их читать. Профессиональная этика «Серого Кардинала» была проста: не смотри в душу клиента, если не хочешь утонуть в чужом дерьме. Он просто забрал конверты и положил в кожаный тубус на пояс.

Но он сделал кое-что еще.

Из внутреннего кармана он достал сложенный вчетверо лист дешевой бумаги. Развернул его. Достал из сапога угольный карандаш.

На листе было всего несколько слов, написанных быстрым, насмешливым почерком: *«Барон. Ваша игра в большую политику утомляет. Леди Изольда передает привет. В следующий раз смазывайте петли не лавандовым маслом — оно слишком громко скрипит на холоде. И наймите нормального любовника, этот храпит. Ваш доброжелатель».*

Он оставил записку прямо поверх пустого бархата. Это была его подпись. Не для барона — тот все равно решит, что это происки конкурентов. Это было послание для Изольды. Напоминание о том, что она не купила его. Она лишь наняла.

Обратный путь занял меньше времени. Адреналин схлынул, уступив место холодной, выверенной эффективности. Алекс выбрался тем же путем, закрыл окно, доведя замок до исходного состояния, и спустился по стене.

Улица встретила его холодным ветром. Он накинул капюшон и растворился в лабиринте переулков Нижнего Кольца, оставив позади сияющие огнями холмы Верхнего Города.

Переулки пахли иначе. Здесь страх имел вкус меди и кислого вина. Здесь люди не спали, а дремали вполглаза.

Алекс срезал путь через Пьяный Тупик — узкую кишку между ткацкими мануфактурами. Стены здесь были покрыты вечной копотью, а мостовая никогда не просыхала от нечистот. Он шел, сканируя пространство. Его мозг, привыкший обрабатывать тысячи переменных в секунду, сейчас работал в фоновом режиме.

И вдруг он остановился.

Это было не зрение. И не слух. Это было то, что он называл «тишиной в шуме». В гомоне тупика — кашле старого ткача за стеной, звоне посуды в окне борделя, далеком крике стражи — выпал один звук. Вернее, его отсутствие.

В трех футах от его левого сапога, на влажной стене, не было копоти. Там, прямо поверх сырого кирпича, кто-то нарисовал символ.

Алекс подошел ближе.

Это была не краска. Краска в Пьяном Тупике — непозволительная роскошь. Это была кровь. Свежая, еще не успевшая потемнеть до бурого цвета. Она стекала по кирпичам неровными, ломаными линиями, складываясь в сложную, асимметричную фигуру. Похожую на сломанную снежинку или на вывернутого наизнанку человека.

Алекс присел на корточки, не касаясь стены. Его пальцы сами собой сложились в щепоть, измеряя расстояние между лучами символа.

Он знал символы. Любой в Вер-Роше знал символы Гильдий. Знак Механиков — шестерня. Знак Алхимиков — реторта. Знак Воров — перекрещенные отмычки. Знак Ночных Клинков — стилет в круге.

Это не было похоже ни на что из Гильдейского реестра.

В этом символе была геометрия, но не было логики. Линии пересекались под углами, которые вызывали легкое головокружение, если смотреть на них слишком долго. Казалось, что если прищуриться, символ начнет вращаться, втягивая взгляд в черную точку в центре.

Рядом с символом, прямо в луже, лежал предмет.

Алекс осторожно, кончиками пальцев, поддел его.

Это был зуб. Человеческий резец, но сточенный до состояния иглы и продырявленный у основания. В дырку была продета тонкая серебряная нить. На нити, как бусина, сидела застывшая капля того же самого вещества, которым был нарисован символ.

Алекс выпрямился. Его мозг, обычно холодный и расчетливый, выдал редкую ошибку — он не мог счесть вероятность.

Символ не был граффити пьяного безумца. Безумцы рисуют хаос. Здесь был холодный, пугающий порядок. И кровь. В Пьяном Тупике не убивают так, чтобы оставлять на стенах ритуальные рисунки. Здесь режут глотки за медяк и скидывают тела в канализацию.

Интуиция, которая спасала ему жизнь чаще, чем стальной клинок, завывала. Это было не просто начало чего-то большего. Это был разрыв ткани.

Кто-то начал игру, правила которой не знал даже «Серый Кардинал».

Алекс убрал зуб в карман. Он больше не думал о графине, бароне и письмах в тубусе. Те проблемы были понятными. Это — деньги и власть. Старый, предсказуемый танец.

То, что было на стене — это была магия. Или то, что в эпоху пара и шестеренок люди называли магией, чтобы не сойти с ума.

Он пошел дальше, сливаясь с тенями. Но теперь его походка изменилась. Он больше не был тенью. Он был охотником, который только что учуял след зверя, для которого сам мог стать добычей.

Его жилище находилось в Слепой Зоне — районе между Четвертым и Пятым Кольцом, который не значился ни на одной официальной карте города. Когда-то здесь планировали построить Южные Ворота, но деньги разворовали, фундамент просел, и район просто отрезали

от городской инфраструктуры. Сюда не ходили патрули. Сюда не дотягивались налоги. Здесь жили те, кого не существовало.

Алекс занимал бывшую насосную станцию. Массивное здание из серого гранита, вросшее в скалу, с трубами, уходящими глубоко под землю, к подземной реке. Он купил его за бесценок у слепого старьевщика, который даже не понимал, что продает.

Внутри пахло озоном, машинным маслом и сушеными травами. Алекс сам спроектировал систему вентиляции, которая гнала воздух через фильтры из активированного угля и серебряных сеток. В городе, который медленно травил сам себя, чистый воздух был высшей роскошью.

Он поднялся по винтовой лестнице на третий ярус. Его кабинет представлял собой гибрид лаборатории алхимика и арсенала. Стены были увешаны картами Вер-Роша, испещренными цветными нитями. В центре стоял тяжелый дубовый стол, на котором в идеальном порядке лежали инструменты: от хирургических ланцетов до миниатюрных арбалетов.

Алекс бросил тубус с письмами на стол. Звук глухого удара о дерево показался оглушительным в тишине станции.

Он налил себе воды из глиняного кувшина. Руки слегка дрожали. Не от страха. От переизбытка адреналина, который телу некуда было потратить.

Он сел в кресло и закрыл глаза, пытаясь проанализировать символ. Асимметрия. Семь основных лучей. Центральный узел. Он потянулся к полке, заставленной книгами. Там, среди трактатов по баллистике и анатомии, стояли запрещенные фолианты. «Гримуар Предела», «Фрактальная геометрия безумия», «Культ Пустого Солнца». Алекс не верил в богов. Он верил в рычаги и давление. Но он знал, что люди готовы убивать и умирать за любую красивую ложь.

Он открыл «Гримуар». Пергамент хрустнул. Книга пахла пылью и застарелой кровью. Полчаса он листал страницы, сравнивая линии. Ничего. Культы Пожирателей Плоты рисовали спирали. Дети Бездны — пустые круги. Алхимики-схизматики — пентаграммы, вписанные в механизмы. Этот символ не принадлежал ни одной известной секте.

Алекс откинулся на спинку кресла. Он посмотрел на потолок. Сквозь решетку вентиляции был виден кусок ночного неба. Вер-Рош никогда не спал, и звезд над ним не было видно из-за вечного смога и сияния газовых фонарей. Но здесь, в Слепой Зоне, если прислушаться, можно было услышать, как дышит древняя скала.

В дверь постучали.

Не условный стук. Не ритм «три коротких, два длинных». Просто три тяжелых, уверенных удара.

Рука Алекса метнулась под стол, к рычагу, открывающему люк в канализацию. Но замерла. Три удара. Не Гильдия. Гильдия никогда не стучит. Стража выбивает дверь тараном.

— Входи, Изольда, — сказал он, не меняя позы.

Дверь, укрепленная стальными полосами, бесшумно отворилась.

Графиня ди Вельмор стояла на пороге. В тусклом свете масляных ламп ее черное бархатное платье, влажное от ночного тумана, казалось лужей нефти. Бриллиантовая брошь на ее горле стоила больше, чем весь Пьяный Тупик вместе с жителями. Но сейчас она была без маски. Без придворной улыбки.

Ее лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую, злую линию.

— Ты оставил записку, — ее голос, обычно бархатный и обволакивающий, сейчас звучал как скрежет льда.

— Я всегда оставляю записки, — Алекс кивнул на кресло напротив. — Садись. Вина?

— Мне не до твоих игр, Алекс, — она вошла, и воздух в комнате стал плотнее, наэлектризовался. — Барон фон Грасс мертв.

Алекс медленно моргнул. — Мертв? Я оставил его храпеть в кресле. Я даже не коснулся его.

— Его нашли час назад в его спальне. Разрезанным на семь частей. И каждая часть была пришпилена к стене теми самыми серебряными иглами, которые он коллекционировал. А между кусками плоти были приколоты мои письма.

Алекс встал. Он подошел к столу, взял тубус, открыл его. Конверты были на месте. — Я забрал их, — он положил письма перед ней. — Барон был жив, когда я уходил.

— Я знаю, — Изольда подошла к столу. Она не села. Она нависла над письмами, как хищная птица. — Я не обвиняю тебя. Если бы ты хотел его убить, ты бы сделал это тихо. Отравил бы вино, и никто бы не нашел следов.

— Тогда кто? — Алекс смотрел на нее в упор. В ее глазах он увидел то, чего не видел никогда — настоящий, животный ужас. Изольда ди Вельмор не боялась ни короля, ни инквизиции, ни наемных убийц.

— Тот, кто нарисовал символ, — прошептала она. — Я узнала о нем час назад. До того, как узнала о бароне. Мои люди в Нижнем Круге нашли еще два таких же. Один — на скотобойне. Второй — на заброшенном кладбище паровых машин.

— Кровь? — спросил Алекс.

— Не только, — Изольда достала из рукава платок и развернула его. Внутри лежал еще один зуб на серебряной нити, точно такой же, как тот, что Алекс нашел в тупике. — Это кость. Человеческая. И на каждом символе — своя. На скотобойне — ребро. На кладбище — фаланга пальца.

Алекс взял зуб. Он был холодным. — Это не секта. Секты оставляют послания для паствы. Это приглашение.

— Или предупреждение, — Изольда забрала у него зуб и спрятала обратно в платок. — Алекс. Я наняла тебя вернуть письма, чтобы спасти свою репутацию. Теперь речь не о репутации. Барон был идиотом, но он был частью Системы. Если кто-то начал вырезать аристократов с такой... эстетикой, скоро полетят головы. И моя будет не последней.

Она обошла стол. Ее духи — тяжелый аромат ночной фиалки и мускуса — ударили в ноздри. Она положила руки в перчатках на плечи Алекса.

— Найди его, — ее голос снова стал вкрадчивым, опускался до самого дна его сознания. — Найди того, кто это делает. Я заплачу. Сколько ты хочешь? Назови цифру. Хочешь титул? Баронство? Я вытащу тебя из этой грязи, Алекс. Мы уедем на Южные Острова. Ты станешь моим мужем. Моим щитом.

Это была ее главная карта. Она всегда ее разыгрывала. Тело. Власть. Спасение.

Алекс накрыл ее руки своими. Его ладони были в старых шрамах, мозолистые, привыкшие к стали. Он мягко, но непреклонно отвел их от своих плеч.

— Изольда, — сказал он тихо. — Мы оба знаем, что ты не уедешь на Острова. Ты — Вер-Рош. Ты — его яд и его кровь. Без интриг ты умрешь от скуки через неделю.

— Тогда что ты хочешь? — в ее голосе прорезалась сталь. — Мою душу?

— Я хочу, чтобы ты перестала меня покупать, — Алекс отошел к окну, глядя на темную массу Слепой Зоны. — Ты наняла меня для расследования. Я его проведу. Это стоит пятьсот золотых империялов. Половина сейчас, половина по результату. Плюс все расходы. Никаких титулов. Никаких постелей.

Изольда смотрела на него несколько секунд. В ее глазах боролись гнев, уязвленное самолюбие и холодный расчет. Расчет победил.

— Ты невыносим, Серый Кардинал, — она достала из расшитого бисером ридикюля тяжелый кожаный кошель. Бросила его на стол. Монеты глухо звякнули. — Половина.

— Символ, — напомнил Алекс. — И зуб. Мне нужны все, которые найдут твои люди. И доступ в Архив Гильдии Механиков. Мне нужно понять геометрию этих линий.

— Ты получишь все, — кивнула она. — Но поторопись, Алекс. Кто бы это ни был, он играет в игру, где фигурами служат люди. И я не хочу быть съеденной.

Она направилась к двери. У порога обернулась.

— Будь осторожен. Я видела много убийц. Но в глазах того, кто это делает, нет безумия. Там пустота.

Дверь закрылась.

Алекс остался один.

Он подошел к столу, взял кошель и взвесил его в руке. Пятьсот импералов. Этого хватило бы, чтобы купить себе тихую старость где-нибудь на окраине, где не пахнет кровью.

Он открыл ящик стола и достал оттуда свой рабочий набор. Стилеты из дамасской стали. Гаррота из китового уса. Пузырек с ядом медленного действия.

Он не убивал за деньги уже три года. С тех пор, как ушел из Ночных Клинков. Он решал проблемы. Он был скальпелем.

Но сейчас кто-то начал вскрывать сам город.

Алекс убрал золото в сейф. Он не взял ни одной монеты на расходы. Вместо этого он подошел к стене, где висела карта Вер-Роша.

Он достал три черные булавки. Первая — Пьяный Тупик. Вторая — Скотобойня в Шлаковых Ямах. Третья — Кладбище паровых машин у Старого Рва.

Он соединил их тонкой серебряной нитью. Получился рваный, изломанный треугольник.

Алекс достал свой угольный карандаш. Встал на стул. И нарисовал на карте, прямо в центре треугольника, тот самый символ, который запомнил до мельчайшей детали.

Символ идеально вписался в геометрию трущоб.

Это была не случайность. Это была сеть.

Алекс посмотрел на карту, на символ, на лежащий на столе зуб. Его старая жизнь, состоящая из теней, отмычек и чужих тайн, закончилась сегодня ночью в Пьяном Тупике.

Начиналась новая. И в этой игре на кону стоял не кошелек и не репутация графини.

Он глубоко вдохнул чистый, фильтрованный воздух своей станции.

— Что ж, — сказал он в пустоту комнаты. — Посмотрим, кто кого съест.

Алекс потушил лампу. В темноте станции, разгоняемом лишь тусклым светом из вентиляционной решетки, его фигура снова превратилась в тень. Но теперь эта тень имела цель. И имя.

Тень на полях.

Глава 2. Король теней

Вход в Верхний Город для человека из Слепой Зоны всегда напоминал переход из ледяной воды в кипяток. Резкая смена давления, температуры и, главное, плотности власти.

Алекс не стал пользоваться парадными воротами, у которых дежурила Золотая Стража в начищенных до зеркального блеска кирасах. Золотая Стража знала его в лицо, и их алебарды скрестились бы перед ним быстрее, чем он успел бы моргнуть. Вместо этого он воспользовался старым техническим тоннелем, проложенным еще первыми инженерами Вер-Роша для обслуживания акведуков.

Тоннель заканчивался ржавой решеткой в подсобном помещении королевской оранжереи. Алекс выбил замок — не отмычкой, а точечным ударом костяшек пальцев по скрытому дефекту чугуна, — и вышел в мир, где даже воздух был другим.

Здесь пахло стерильной чистотой, воском для паркета и дорогим табаком. Коридоры Дворца Шипов были широкими, гулкими и абсолютно пустыми. Архитектура подавляла: высокие своды, стрельчатые окна, сквозь которые лился холодный, мертвый свет зимнего утра, и бесконечные ряды портретов предков нынешнего монарха. Все они смотрели со стен одинаково: надменно, с тяжелой нижней челюстью и рукой, лежащей на эфесе меча.

Алекс шел по центру коридора. Он не крался. В этом не было смысла. Если бы его хотели убить, его бы убили еще в тоннеле. Его шаги эхом отражались от мрамора. На нем не было ни плаща, ни капюшона — только тот же самый темный, идеально скроенный камзол. Он выглядел как хирург, пришедший на вскрытие, или как палач, зашедший на чай.

Секретарь в приемной палате — человек с лицом, похожим на сморщенное яблоко, и в парике, стоившем как годовой доход средней мануфактуры, — попытался преградить ему путь. — Его Величество не принимает без предварительной записи. И уж тем более через оранжерею, господин... — секретарь осекся, не зная титула. — Алекс, — подсказал он, не останавливаясь. — Передайте королю, что Серый Кардинал пришел по поводу разбитых сердец.

Секретарь побледнел. Имя «Серый Кардинал» знали во всех пяти Кольцах, но произносить его во Дворце считалось дурным тоном. Это было напоминание о том, что власть короля, какой бы абсолютной она ни казалась, опирается на гнилые сваи преступного мира.

Тяжелые двери красного дерева распахнулись перед ним без малейшего звука.

Кабинет короля поражал не роскошью, а аскетизмом. Никаких золотых статуй. Никаких бархатных драпировок. Только темное дерево, кожа, стеллажи с книгами и огромная карта Вер-Роша, занимавшая всю дальнюю стену. Карта была не бумажной — она была инкрустирована в столешницу из цельного дуба, и города на ней светились мягким синим светом благодаря вживленным под древесину светлячкам.

За массивным столом сидел король.

Старый.

В книгах и на монетах Филипп IV выглядел гигантом, отцом нации, сжимающим скипетр, как боевую палицу. Реальность была прозаичнее. Король Филипп выглядел как уставший бухгалтер в конце квартала. Его мантия была помята, под глазами залегли мешки цвета старого пергамента, а пальцы, унизанные перстнями, мелко подрагивали.

Он не предложил Алексу сесть. Он просто смотрел на него, медленно затягиваясь из длинного мундштука.

— Ты пахнешь подземельем, — сказал король вместо приветствия. Голос у него был тихий, с присвистом — признак старой легочной болезни. — Я и есть подземелье, Ваше Величество, — ответил Алекс. Он остался стоять. — Вы сами меня таким сделали, когда позволили Гильдиям сожрать нижние ярусы.

Секретарь за спиной Алекса издал тихий звук, похожий на предсмертный хрип зайца. За такую дерзость во дворце полагалась плаха.

Король Филипп едва заметно улыбнулся уголком рта. — Смело. Мне докладывали, что ты смелый. И что ты глупый, раз отказался от титула, который тебе предлагала Изольда ди Вельмор три часа назад.

— Графиня очень настойчива, — Алекс позволил себе тень усмешки. — Но титулы не защищают от ножей. А я предпочитаю спать там, где меня не отравят через дымоход.

— Ты уже работаешь на нее? — король кивнул на тубус, который Алекс держал в руке. — Я выполнил заказ. Письма в безопасности. Барон фон Грасс, к слову, мертв. Разрезан на семь частей.

Улыбка исчезла с лица короля. Он медленно положил мундштук в тяжелую хрустальную пепельницу. — Я знаю. Мои соколы долетели до Шлаковых Ям быстрее, чем стража. Это не работа Изольды. И не работа Гильдии Убийц.

— Это работа культа, — сказал Алекс. — Культа, о котором никто не слышал сто лет.

Король долго молчал. Он смотрел на карту Вер-Роша, на светящиеся синие точки, обозначающие районы города. — Садись, — наконец бросил он, указывая на кресло по ту сторону стола. — И убери этот чертов тубус. От него пахнет чужими секретами, а у меня своих достаточно.

Алекс сел. Он положил ногу на ногу, принимая позу человека, который пришел обсуждать условия сделки, а не выслушивать монарший гнев.

— Ты знаешь, почему ты еще жив, Алекс? — спросил король, подавшись вперед. — Почему я не приказал Золотой Страже размазать тебя по стене еще пять лет назад, когда ты вырезал половину совета Гильдии Механиков? — Потому что я полезен, — ответил Алекс. — И потому что я предсказуем. Я решаю проблемы. Я не создаю их короне.

— Ты предсказуем, как удар молнии, — король сцепил пальцы в замок. — Но сейчас мне нужна молния. Прямое столкновение с моей оппозицией разорвет страну. Начнется гражданская война. Гильдия Ткачей уже точит ножи, Торговая Гильдия перекрывает поставки угля в Верхнее Кольцо. Они ждут повода.

— У вас есть оппозиция? — делано удивился Алекс. — Я думал, у вас есть только карманные герцоги, которые боятся чихнуть без вашего разрешения.

Король проигнорировал укол. — Есть один, который не боится. Герцог Валериан. Мой троюродный племянник. Молодой. Красивый. Харизматичный. И, что самое опасное, невероятно богатый.

— Наследство? — Торговля, — король поморщился, как от зубной боли. — Запрещенная торговля. Валериан наладил канал поставки «Солнечного Пепла» из-за Хрустального Хребта. И торгуем не только мы. Он продает артефакты. Настоящие. Те, что остались со времен Войны Падения Звезд.

Алекс напрягся. «Солнечный Пепел» был мощным, но грязным наркотиком, вызывающим видения. Но артефакты... Артефакты меняли правила игры.

— Я знаю про пепел, — сказал Алекс. — Его варят в Нижнем Круге. Мои люди контролируют половину точек. Но артефакты... Чтобы провезти через таможню и три кольца стражи настоящий реликт, нужно либо купить весь Совет, либо иметь покровителя в самом дворце.

— У него есть и то, и другое, — кивнул король. — Валериан играет в мою игру, но по своим правилам. Он покупает лояльность знати, раздавая им игрушки, которые стреляют молниями или показывают будущее. Он строит свою армию.

— Чего вы хотите от меня? — прямо спросил Алекс. — Убрать его? Я не берусь за заказы на кровь во Дворце. Слишком много переменных. Слишком много глаз.

— Нет, — король покачал головой. — Убрать его сейчас — значит подтвердить его статус мученика. Мне нужно, чтобы его источник иссяк. Мне нужно, чтобы его канал поставок артефактов лопнул, а сам он остался с пустыми руками перед лицом Совета Пэров.

— Вы хотите, чтобы я обрушил его логистику, — Алекс задумчиво потер переносицу. — Это потребует времени. И людей. Людей, которые умеют не только резать глотки, но и читать накладные.

— У тебя есть такие люди. Вся шваль Нижнего Кольца смотрит тебе в рот. — Они смотрят мне в рот, потому что я плачу золотом, а не патриотизмом, — отрезал Алекс. — Ваше Величество, война с герцогом — это не возвращение писем графини. Это объявление охоты на одну из самых опасных тварей в этом террариуме.

— Я знаю, — король смотрел на него тяжелым, давящим взглядом. Взглядом человека, который привык, что перед ним падают ниц. Но Алекс не опустил глаз. Он смотрел на короля как на равного — как на другого хищника, запертого в той же клетке.

И Филиппу IV это понравилось. Впервые за долгие годы кто-то во дворце не пытался угадать его желания. Кто-то оценивал риски.

— Чего ты хочешь? — спросил король. — Назови цену. Золото? Земли?

Алекс наклонился через стол. Его лицо оказалось в тени, и королю на мгновение показалось, что перед ним сидит не человек, а сгусток ночной тьмы, принявший человеческую форму. — Золото у меня есть. Земли мне не нужны — их нужно защищать, а я не люблю охрану. Я хочу то, что вы прячете глубже, чем свои винные погреба.

— Говори, — голос короля стал хриплым.

— Доступ в Закрытый Архив, — сказал Алекс. — В секцию «Эпоха Раскола». Полная автономия. Ни один библиотекарь, ни один стражник не должен знать, что я там был. И вы лично, Ваше Величество, распорядитесь выдать мне пропуск, который не вызовет подозрений.

Король откинулся на спинку кресла. Закрытый Архив. Секция Раскола. Там хранились протоколы допросов еретиков, отчеты инквизиции и, что самое главное, гримуары запрещенных культов. То, что Алекс не смог найти в публичных библиотеках, лежало там, под замками, зачарованными лучшими магами королевства.

— Ты понимаешь, что за информацию там держат? — тихо спросил король. — Она сводит с ума. — Я не собираюсь ее читать, Ваше Величество. Я собираюсь ее искать. По ключевым словам. Символам.

Король долго смотрел на него. Затем медленно кивнул. — Ты получишь свой пропуск. На имя... скажем, младшего инспектора казначейства. Они часто копаются в старых реестрах. — Имя «Элиас Вейн» подойдет, — сказал Алекс.

— Элиас Вейн, — повторил король, словно пробуя имя на вкус. — Хорошо. Но это не все твои условия, я чувствую.

— Одно, — Алекс выпрямился. — Если я найду то, что ищу, и это окажется угрозой короне... угрозой большей, чем амбиции вашего племянника... я хочу карт-бланш. — На что? — На любые действия. Если придется сжечь половину Нижнего Кольца, чтобы достать одного человека, я хочу сделать это, не оглядываясь на Золотую Стражу.

Король Филипп IV расхохотался. Это был сухой, надтреснутый смех, больше похожий на кашель. — Ты просишь у короля разрешения стать чудовищем, чтобы спасти его трон. — Я прошу разрешения быть эффективным, — поправил Алекс. — Чудовищем я был и до нашей встречи.

— Ты его получишь, — король нажал скрытую кнопку под столешницей. — Но если ты предашь меня, Серый Кардинал... если ты решишь продать эти секреты Валериану или Изольде... — Я знаю, — перебил Алекс, вставая. — Вы найдете меня даже в Слепой Зоне. Но вы не найдете меня быстро. А я, в отличие от вас, Ваше Величество, не привязан к этим стенам. Я могу исчезнуть.

— Куда? — с искренним любопытством спросил король. — Везде мои люди. Везде мои законы. — Вниз, — Алекс кивнул в сторону пола. — Там, куда не дотягивается даже ваша корона. Там всегда есть место для одного лишнего призрака.

Он развернулся и пошел к двери, не дожидаясь разрешения.

— Алекс, — окликнул его король, когда он уже взялся за медную ручку. Алекс обернулся. — Будь осторожен в Архиве, — сказал Филипп IV. — Предыдущий король... мой отец... сошел с ума, перечитывая там один-единственный фолиант. Он начал видеть лица в тенях. — В тенях всегда есть лица, — ответил Алекс. — Нужно просто уметь их разглядеть.

Закрытый Архив находился в подземельях под Северной башней. Спуск туда занимал десять минут по винтовой лестнице, от которой у обычного человека закружилась бы голова. Воздух становился все холоднее и суше.

Алекс спустился в Главный Зал.

Это было место, где время остановилось. Огромный купол из черного мрамора поддерживали колонны, вытесанные из цельных стволов железного дерева. Вдоль стен тянулись стеллажи, уходящие во тьму. На них стояли не книги. На них стояли гробы.

Тысячи кожаных, деревянных и металлических футляров. Архив Вер-Роша хоронил информацию так же, как хоронил своих мертвецов.

Свет давали только магические шары-светляки, парящие под потолком. Они излучали мертвенно-бледный, синеватый свет, не дающий теней. Это было сделано специально: тени в Архиве считались побочным эффектом проклятых текстов.

Навстречу Алексу вышел Хранитель.

Это был не человек. По крайней мере, не совсем. Старик был закутан в серые бинты, пропитанные воском, и двигался с неестественной плавностью. Его глаза были заменены тусклыми кусками янтаря. Магия продлевала ему жизнь уже третий век, превратив в мумию, способную мыслить. — Элиас Вейн? — проскрипел Хранитель. Его голос звучал так, будто шел из глубокого колодца. — Инспектор казначейства. Проверка реестров земель. — Именно, — Алекс протянул свиток с печатью короля.

Хранитель не взял его. Он просто посмотрел на печать своим мертвым янтарным взглядом. — Король редко спускается сюда. И еще реже присылает гостей. Что вы ищете, инспектор? — Культы, — коротко бросил Алекс. — Конец прошлого века. Эпоха Раскола. Символы. Ритуальные практики.

Хранитель медленно кивнул. — Эпоха Раскола. Время, когда Сердце Города дало первую трещину. Вы ищете «Разбитое Сердце», не так ли?

Алекс замер. Его сердце, обычно бьющееся в ритме спокойного хищника, пропустило удар. — Вы знаете этот символ? — Я знаю всё, что похоронено здесь, — Хранитель повернулся. — Идите за мной. И не прикасайтесь к переплетам левой рукой. Некоторые из них всё еще кусаются.

Они пошли вглубь зала, в сектор, отгороженный массивной чугунной решеткой. Хранитель открыл замок ключом, который выглядел скорее как хирургический инструмент. — «Разбитое Сердце», — повторил старик, ведя Алекса между стеллажами. — Официально — уничтожен сто два года назад. Во время «Ночи Пяти Ножей». Инквизиция вырезала верхушку культа в их главном храме, что стоял на месте нынешнего Монетного Двора.

— Почему я никогда о них не слышал? — спросил Алекс. В трущобах знали сотни мелких сект, поклоняющихся машинам, крысам или собственным экскрементам. Но культ, способный вырезать аристократа и оставить символ, который не бьется ни с одной классификацией...

— Потому что они не были сектой в привычном понимании, — Хранитель остановился у дальнего стеллажа. — Они были... корпорацией. Философским обществом. Они не молились богам. Они считали, что Вер-Рош — это живой организм. А Король — его мозг.

— И они хотели вырезать мозг? — Нет, — Хранитель покачал головой, и бинты на нем сухо затрещали. — Они хотели его *починить*. Они верили, что Город болен. Что его кровь — это пар, а дыхание — дым фабрик. И что единственный способ исцелить его — это разбить собственное сердце.

— Что это значит? — Это значит, что они практиковали ритуальное самоубийство в промышленных масштабах, — Хранитель достал с полки тяжелый свинцовый ящик. — Они искали абсолютную свободу. А абсолютная свобода, по их мнению, обретается только после полного разрушения личности. И тела.

Он положил ящик на каменный стол в центре отсека. — Символ, который вы видели... это не просто знак. Это печать. «Сломанная печать».

Хранитель открыл ящик. Внутри, на подушке из черного бархата, лежала книга. Она не была похожа на другие. Ее переплет был сделан не из кожи, а из чего-то, напоминающего застывшую смолу, пронизанную красными прожилками.

— «Анатомия Пустоты», — сказал Хранитель. — Личный дневник основателя культа. Человека, который называл себя Пилигримом.

Алекс подошел ближе. От книги не пахло плесенью. От нее пахло озоном, как после удара молнии, и железом.

— Почему их не уничтожили полностью? — спросил Алекс, не отрывая взгляда от переплетов. — Потому что они были полезны, — горько усмехнулся Хранитель. — Сто лет назад Гильдии рвались к власти. Король был слаб. «Разбитое Сердце» имело лучшую сеть осведомителей в трущобах. Король заключил с ними сделку. Он дал им неприкосновенность, а они сливали ему информацию о заговорах Гильдий.

— Сделка с дьяволом. — Сделка с прагматиками, — поправил Хранитель. — А потом они зашли слишком далеко. Пилигрим решил, что для «исцеления» Города нужно принести в жертву не бродяг, а кровь. Аристократическую кровь. Саму суть власти. Инквизиция сработала быстрее, чем культ успел ударить. Почти всех сожгли. Остальных сбросили в Старый Ров.

— Но кто-то выжил, — констатировал Алекс. — Культи, основанные на идее разрушения эго, невозможно убить, — Хранитель открыл книгу. Страницы были тонкими, как крыло насекомого, и черными. Текст был написан серебром. — Если у них есть Книга. А Книга у них есть.

— Где она? — Если бы я знал, где оригинал «Кодекса Шепота», я бы не стоял здесь, а давно сошел с ума в какой-нибудь канаве, — Хранитель перелистнул страницу. — Но у нас есть копии. Отрывки из протоколов допросов.

Он пододвинул к Алексу другой фолиант — толстый, казенный, с металлическими уголками. «Дела Еретические. Том XIV».

Алекс сел за стол. Он достал из кармана свой угольный карандаш и лист бумаги. — Расскажите мне о символе, — попросил он.

— Символ «Разбитого Сердца», — Хранитель ткнул янтарным пальцем в гравюру на странице протокола, — состоит из семи фрактальных узлов. Это не просто рисунок. Это формула.

Алекс смотрел на гравюру. Она в точности повторяла то, что он видел на стене в Пьяном Тупике. — Формула чего? — Боли, — ответил Хранитель. — Математически выверенной боли. Основатель культа был гениальным механиком. Он понял, что человеческая психика — это тот же механизм, что и паровой котел. Если приложить давление в правильных точках, сосуд не просто лопнет. Он изменит агрегатное состояние.

— Они пытали людей? — Они их *настраивали*, — в голосе Хранителя послышалось что-то похожее на благоговение, и это напугало Алекса больше, чем открытый ужас. — Символ, который вы нашли — это «Ключ». Первый узел. Он открывает восприятие. Жертва, на теле

которой начертили этот знак его собственной кровью, перестает чувствовать страх. Она чувствует... интерес. К разрушению собственного тела.

Алекс вспомнил барона фон Грасса. Семь частей. Семь узлов фрактала. — Они используют тело как холст, — прошептал Алекс. — Они используют тело как бумагу, — кивнул Хранитель. — А кровь — как чернила. Каждая часть тела барона — это глава. Каждая серебряная игла — буква. Он не просто убит. Он *прочитан*.

Алекс начал быстро записывать. Его мозг, привыкший к схемам боевых построений и логистическим цепочкам, сейчас выстраивал новую, чудовищную карту. — Зубы. Кости. Почему они оставляют их на месте преступления? — Это визитные карточки, — Хранитель перевернул страницу. — Смотрите. «Ритуал Фрагментации». Чтобы символ закрепился в ткани реальности, чтобы он начал... резонировать, его должен активировать тот, кто прошел «Перелом».

— Что такое «Перелом»? — Инициация, — Хранитель понизил голос до шепота. — Кандидат должен сам раздробить себе кости. Своими руками. Без анестезии. Без магии. Он должен собрать свое тело заново, продевая серебряные нити через собственные сухожилия. Только тот, кто пережил абсолютную боль и собрал себя по частям, становится «Голосом».

Алекс отложил карандаш. Его пальцы сжались в кулак. — Значит, тот, кто рисует на стенах... он резал себя. — Он не просто резал, — Хранитель смотрел на него своими мертвыми глазами. — Он перестраивал. Вы видели зуб, инспектор? Сточенный до иглы? Это не оружие. Это инструмент. Игла для сшивания реальности.

В зале повисла тяжелая тишина. Только где-то в вентиляции тихо гудел воздух, очищаемый фильтрами.

— Кто их лидер сейчас? — спросил Алекс. — У них должен быть лидер. Пилигрим мертв. — Мертв ли? — Хранитель улыбнулся бескровными губами. — В протоколах есть показания одной из младших жриц. Она утверждала, что Пилигрим не умер. Он прошел «Великий Перелом». Он разбил свое сердце буквально — вырвал его, чтобы заменить механическим артефактом.

— Легенда, — отмахнулся Алекс. — Все легенды имеют под собой труп, — парировал Хранитель. — Но лидер у них есть. Они называют его «Король Теней».

Алекс замер. — Король? — Иронично, не правда ли? — Хранитель закрыл «Дела Еретические». — Они считают, что нынешний монарх — это лишь кукла, надетая на руку болезни Города. А настоящий правитель — тот, кто правит из темноты. Тот, кто не боится разбить себя ради высшей цели.

Алекс встал. Он подошел к решетке, отделяющей этот отсек от остального Архива. Он смотрел на тысячи других ящиков. Сколько еще чудовищ спят там, на полках? — У них есть база? Место силы? — По протоколам — катакомбы под Старым Храмом Механиков, — ответил Хранитель. — Но это данные столетней давности.

— Мне нужно больше, — Алекс повернулся к старику. — Мне нужны имена. Кто из аристократов мог выжить в «Ночь Пяти Ножей»? У кого были дети?

— Дети культа наследуют не титулы, — покачал головой Хранитель. — Они наследуют безумие. И инструменты.

Алекс снова достал из кармана зуб на серебряной нити, найденный в Пьяном Тупике. Он положил его на стол рядом с черным фолиантом. Серебро тускло блеснуло в мертвенном свете Архива.

— Валериан, — вдруг сказал Алекс. — Герцог? — Хранитель склонил голову набок. — Артефакты, — Алекс посмотрел на старика. — Король сказал, что Валериан торгует артефактами. Древними. Что, если он не просто торгует? Что, если он предоставляет им компоненты?

— Для чего? — спросил Хранитель. — Для «Великого Перелома», — ответил Алекс. — Если Пилигрим действительно заменил сердце механизмом, ему нужны детали. А лучший механик в Вер-Роше — это не Гильдия. Это тот, кто не ограничен законами.

Алекс посмотрел на свинцовый ящик с «Анатомией Пустоты». — Заприте это, — приказал он. — И забудьте, что я это видел.

— Вы уже видели, — проскрипел Хранитель. — Вы уже коснулись страниц, инспектор Вейн. Книга знает ваш запах.

— Тогда молитесь, чтобы она не позвала меня обратно, — Алекс направился к выходу.

— Инспектор! — окликнул его Хранитель. Алекс обернулся. — Вы ищете «Короля Теней», — сказал старик. — Но помните: в тенях Города обитает только тот, кого Город сам туда вытолкнул. Вы уверены, что хотите найти его? Вдруг он окажется вашим старым другом?

Алекс ничего не ответил. Он вышел за чугунную решетку, и тяжелая дверь с лязгом закрылась за ним, отрезая его от света и живых.

Он поднимался по винтовой лестнице, и в его голове крутились цифры и образы. Семь узлов. Серебряные нити. Разбитое сердце.

Он думал о бароне, пришпиленном к стене. О символе в Пьяном Тупике. О зубе-игле. Это не было безумием фанатика. Это было слишком... чисто. Слишком выверено. Безумцы оставляют грязь. Здесь же была хирургическая точность.

Алекс вышел из Северной башни на свежий воздух. Утренний туман окутывал сады дворца.

Он достал из кармана пропуск на имя Элиаса Вейна. Скомкал его и бросил в кусты.

Ему не нужно было имя инспектора. Ему нужно было его собственное.

«Серый Кардинал».

Он посмотрел на шпили дворца, пронзающие небо. Где-то там, в своих покоях, король Филипп IV наливал себе лекарство от кашля. Где-то в другом крыле герцог Валериан, вероятно, пересчитывал прибыль.

А где-то внизу, в темноте, к которой Алекс привык как к дому, кто-то рисовал кровью новые символы. И этот кто-то знал Алекса. Знал его методы, его логику.

Хранитель был прав. Король Теней не возник из ниоткуда. Он вырос здесь. Он дышал тем же смогом.

Алекс накинул капюшон и шагнул в туман.

Ему нужно было вернуться в Слепую Зону. Ему нужно было поговорить с людьми, которые не знают слова «архив», но знают запах свежей крови.

Игра престолов только что столкнулась с безумием. И Алекс не был уверен, что у здравомыслия в этой схватке есть шансы.

Глава 3. Договор с ворами

Слепая Зона встречала его привычной вонью. Если Верхнее Кольцо пахло властью, а Средние Ярусы — потом рабочих, то здесь пахло отчаянием, доведенным до химической чистоты.

Алекс спустился по «Спирали» — внешней пожарной лестнице, намертво вросшей в стену старой мануфактуры. Его ноги, обутые в мягкие сапоги с кожаными накладками на носках, находили опору на скользком от слизи железе безошибочно. Мозг работал как дальномер, вычисляя углы падения, упругость проржавевших перекрытий и скорость ветра.

Он не любил возвращаться сюда. Слепая Зона была его колыбелью, а колыбель — это вещь, из которой вырастают, чтобы не сойти с ума. Но сейчас ему нужны были глаза. Тысячи глаз, которые не смотрят на гербы и не читают королевские указы.

Таверна «Пьяный Гоблин» располагалась на минус втором уровне, в бывшем резервуаре для сточных вод. Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через «Коровью кишку» — узкий, наклонный тоннель, по которому в дни сильных дождей все еще текли нечистоты. Это была лучшая система безопасности, которую только можно купить за бесценок: ни один стражник в полном доспехе не пролез бы сюда, а те, кто пролез бы, задохнулись бы от миазмов на полпути.

Алекс задержал дыхание, пригнулся и шагнул в темноту. Слизкий бетон под ногами, хлюпанье, тяжелая влага в воздухе. Он считал шаги. Двадцать. Поворот. Еще десять.

Запах изменился. К вони дерьма примешался густой дух жареного мяса, дешевого табака и кислого эля.

Тяжелая крышка люка в конце тоннеля откинулась, и на Алекса упал тусклый, дрожащий свет.

— А вот и тень, — пробасил голос из полумрака. — Я уж думал, ты во дворце так и останешься. Прирастешь к трону.

Алекс подтянулся на руках и спрыгнул с двухфутовой высоты на утоптаный земляной пол.

Зал «Пьяного Гоблина» представлял собой пещеру с низким сводчатым потолком, подпираемым массивными балками, с которых свисали чадающие масляные лампы. В воздухе висел сизый дым. За грубыми столами сидели те, кого в Верхнем Круге называли «отбросами», а в Слепой Зоне — «бизнес-партнерами».

Его ждали.

Центральный стол, единственный во всем зале, на котором не было пятен от блевотины, занимали трое.

Справа, занимая своим огромным телом половину скамьи, сидел Боров. Лидер «Мясников». Бывший забойщик с центральной скотобойни. Его лицо напоминало плохо сшитую подушку, нос был расплюснут в лепешку, а кисти рук размером с лопаты безвольно лежали на столе. Боров не был умен, но его инстинкты были отточены десятилетиями выживания в самых жестоких драках. Его банда контролировала Шлаковые Ямы и торговлю краденым мясом.

Слева, закинув ногу на ногу так, что были видны дорогие, хоть и заляпанные грязью сапоги, сидел Шептун. Глава «Крыс». Худой, нервный, с бегающими глазами и руками, которые никогда не переставали двигаться — он то теребил серебряный кастет на пальце, то щелкал суставами. Шептун держал информацию. Его люди были в каждой щели, в каждой вентиляции. Если в Вер-Роше падала монета, Шептун узнавал об этом по звуку.

А прямо напротив входа, в тени, сидел третий.

Клещ.

Он не был самым крупным. Он не был самым известным. Но именно Клещ был самым опасным человеком в этом зале, не считая самого Алекса. Глава «Шепчущих Кинжалов» —

гильдии, которая специализировалась на «тихой работе». Клещ был аристократичен в своей жестокости. Он носил черную шелковую рубашку, ворот которой скрывал нижнюю половину его лица, и постоянно играл с тонким стилетом, перекидывая его между пальцами с пугающей скоростью.

Алекс подошел к столу. Он не кланялся и не протягивал руки. В Слепой Зоне рукопожатия были привилегией тех, кто не боялся получить нож в ладонь.

Он просто сел на свободное место, налил из глиняного кувшина воды в грязную кружку и выпил. Вода отдавала железом.

— Вижу, король тебя не съел, — Боров первым нарушил тишину. Его голос звучал как камни, перекатывающиеся в бетономешалке. — Жаль. Мы надеялись на новые земли.

— Король занят, — Алекс вытер губы тыльной стороной ладони. — Он играет в солдатики с вашим новым герцогом.

Шептун нервно хихикнул. — Валериан? Этот павлин? Мои ребята говорят, он скупил все шлюх в «Золотой Маске» на прошлой неделе. Платил не золотом. Платил какими-то стекляшками, которые светятся в темноте. Девки теперь ходят с ожогами на... интересных местах.

— Это не стекляшки, — Алекс перевел взгляд на Клеща. — Это осколки «Солнечного Стекла». Артефакты.

Клещ перестал крутить стилет. Он положил его на стол острием к Алексу. Это был не вызов. Это был вопрос.

— Ты спустился сюда не чтобы обсудить вкусы герцога в борделях, — голос Клеща был тихим, лишенным эмоций, похожим на шелест бумаги. — У тебя лицо человека, который только что заглянул в выгребную яму и увидел там свое отражение.

Алекс посмотрел на каждого из троих. Боров — грубая сила. Шептун — уши. Клещ — ножи. Три кита, на которых держался его порядок в Нижнем Круге.

— В городе новая болезнь, — начал Алекс. — Она не передается по воздуху. Она передается кровью.

Он достал из кармана камзола платок. Развернул его. Зуб на серебряной нити лег на грубую столешницу.

Боров наклонился, принялся. Его пороссячьи глазки сощурились. — Кость. Человеческая. — Это зуб, — уточнил Алекс. — Его нашли рядом с символом. Символ рисуют кровью.

Шептун подался вперед, едва не макнув носом в столешницу. Его глаза, обычно бегающие, сейчас сфокусировались. Он узнал описание. — «Разбитое Сердце», — прошептал он. — Старые сказки. Бабки в Ямах пугают этим детей. Говорят, они вырезают сердца и заменяют их шестернями.

— Они не вырезают сердца, — Алекс смотрел прямо на Клеща. — Они разбивают людей. На части. Барон фон Грасс. Вы слышали?

Боров кивнул, его массивная челюсть задвигалась, перемалывая невидимую пищу. — Слышали. Семь кусков. Стража говорит, это работа маньяка. — Стража — идиоты, — отрезал Алекс. — Это работа математиков. Барона не просто убили. Его расчленили по фрактальному узору. Каждая часть тела — это узел символа. Каждая серебряная игла, которой его пришили к стене — это проводник.

Клещ взял зуб со стола. Поднес к свету лампы. Серебряная нить натянулась. — Тонкая работа, — сказал он. — Иглы такого калибра делают только в мастерских Механиков. И стоят они как годовой доход «Крыс».

— У них есть деньги, — Алекс откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. — У них есть структура. И у них есть цель. Я не знаю какая, но она требует крови аристократов.

— И что? — Клещ положил зуб обратно. — Пусть режут баронов. Нам в Ямах от этого только чище. Меньше крысоловов, меньше налогов.

— Пока они режут баронов — да, — согласился Алекс. — Но Валериан тоже аристократ. И когда они придут за ним, а они придут, начнется война Короны и Гильдий. Король Филипп спустит с цепей Золотую Стражу. А Золотая Стража, когда спускается в Ямы за «еретиками», не разбирает, где «Шепчущие Кинжалы», а где честный скупщик краденого. Они жгут кварталы.

Боров тяжело вздохнул. Пламя ламп дрогнуло от потока воздуха. — Рейды, — пробасил он. — Ненавижу рейды. В прошлый раз они спалили мой склад в Четвертом Кольце. Сгорело триста фунтов первосортной говядины.

— Я могу это остановить, — сказал Алекс. — У меня есть доступ к реестрам патрулей. Я знаю, где король поставит блокпосты в следующий вторник.

Шептун оживился. Его пальцы забарабанили по столу. — Взамен на что? Ты никогда не просишь просто так, Кардинал.

— Взамен я хочу ваши глаза, — Алекс обвел их взглядом. — Я хочу, чтобы каждый ваш человек, от уличного карманника до старшего скупщика, смотрел наверх. И вниз. В канализации.

Он начал перечислять, загибая пальцы: — Первое: странные рисунки. Кровь на стенах. Не просто богохульство, а геометрические фигуры. Семь лучей. Фракталы. — Второе: серебряные нити. Тонкие, как паутина. — Третье: зубы. Или другие кости. Сточенные, продырявленные. — Четвертое: группы людей. Они ходят тихо. Не как пьяная толпа. Как солдаты. И от них пахнет не потом, а озоном и антисептиками.

— Мы не ищейки короля, — рыкнул Боров. — Мои ребята не будут нюхать воздух.

— Ваши ребята и так это видят, — спокойно парировал Алекс. — Они просто не знают, что это важно. Пропадают бродяги. В Ямах всегда кто-то пропадает. Но сейчас они пропадают без следов. Ни крови, ни борьбы. Просто пустые лежаки.

Шептун сглотнул. — За прошлую луну — пятнадцать человек. Мы списали на «Серую Хворь»...

— Это не Хворь, — перебил Алекс. — Это заготовки. Культ готовит материал.

Клещ, молчавший все это время, вдруг подался вперед. Свет лампы упал на его лицо, обнажив нижнюю половину. Правая сторона его рта была стянута старым шрамом, уходящим под челюсть, из-за чего казалось, что он постоянно криво усмехается. — Ты боишься, — сказал Клещ.

Алекс замер. — Я? — Ты, — кивнул Клещ. — Ты сидишь слишком ровно. Твоя левая рука на дюйм ближе к сапогу, чем обычно. Ты пришел в «Гоблина», где воняет мочой так, что слезятся глаза, но твой камзол пахнет озоном из Архива. Ты нашел что-то, что пугает даже тебя.

В таверне стало тише. Даже пьяный гул в дальнем углу, казалось, стих. Три пары глаз — пороссячи, бегающие и мертвые — смотрели на Алекса.

Власть в Слепой Зоне держалась не на страхе. Страх — слишком дешевая валюта, она быстро обесценивается. Она держалась на уважении к силе и на абсолютной предсказуемости. Алекс всегда держал слово. Алекс всегда знал больше. Алекс всегда был на шаг впереди.

Если Алекс боялся, значит, в темноте действительно водился зверь, способный сожрать их всех.

— Я не боюсь, — голос Алекса стал тише, но приобрел плотность стали. — Я уважаю геометрию. Барон фон Грасс был вооружен, окружен охраной и сидел в своем доме. Он умер, потому что не понял рисунка. Я понимаю рисунки. И я не хочу, чтобы мои... деловые партнеры... превратились в куски мяса на стене из-за того, что оказались не в то время не в том переулке.

— Слова, — Клещ взял со стола свой стилет. Начал крутить его между пальцами. — Слова не останавливают ножи, Кардинал.

— Верно, — согласился Алекс.

Это произошло быстрее, чем кто-либо успел моргнуть.

Клещ, продолжая свою ленивую игру со стилетом, сделал едва уловимое движение кистью. Острое, как бритва, лезвие сорвалось с его пальцев и полетело через стол. Оно целило не в сердце и не в горло. Оно целило в правое запястье Алекса — в ту самую руку, что лежала слишком близко к скрытой кобуре.

Это был не выпад убийцы. Это был тест. Проверка рефлексов.

Время для Алекса всегда текло иначе в такие моменты. Оно не замедлялось, оно становилось... дискретным. Как удары маятника.

Тик. Он видит блеск стали. Расчет траектории. Скорость — сорок футов в секунду. Вес клинка — три унции. Смещение центра тяжести из-за броска с подкруткой.

Тик. Его левая рука, до этого расслабленно лежавшая на колене, метнулась вперед. Не к сапогу. К кувшину с водой.

Тик. Пальцы смыкаются на глиняном горле. Тело разворачивается на скамье, уходя с линии прямого броска, но не слишком далеко — нельзя показать слабость или панику.

Тик. Кувшин летит навстречу стилету.

Тик. Удар.

Глиняный кувшин разлетелся вдребезги, встретив лезвие в воздухе. Осколки и вода брызнули во все стороны. Стиллет, потеряв инерцию и сбившись с траектории, вонзился в деревянную столешницу по самую рукоять, мелко вибрируя.

Алекс уже стоял на ногах.

Он не выхватил оружия. Он просто шагнул вперед, нависая над столом. Его глаза, обычно тусклые, сейчас горели темным огнем.

— У тебя дрожит рука, Клещ, — сказал он в наступившей мертвой тишине. — На долю секунды. Когда ты бросал. Стареешь?

Клещ смотрел на вибрирующую рукоять стилета. На его изуродованном лице не дрогнул ни один мускул.

Алекс медленно протянул руку. Взял вибрирующий стилет за рукоять. Вытащил его из дерева.

Он обошел стол. Клещ не шелохнулся, только следил за ним взглядом.

Алекс подошел к нему вплотную. Запах озона, исходивший от одежды Алекса, смешался с запахом дешевого табака от рубашки Клеща.

Алекс положил стилет на ладонь Клеща. Клинок был направлен в грудь самому Клещу.

— В следующий раз, — тихо сказал Алекс, — когда ты решишь проверить мой пульс, целясь в горло. В запястье я могу успеть надеть браслет.

Он вернулся на свое место. Сел. Как ни в чем не бывало налил себе еще воды из второго кувшина.

Боров громко, с облегчением выдохнул. Шептун нервно рассмеялся, прикрывая рот рукой.

Клещ посмотрел на стилет в своей руке. Затем на Алекса. Медленно, почти незаметно, его изуродованный рот растянулся в ухмылке.

— Резво, — сказал он. — Почти как в старые времена.

— Старые времена закончились, — отрезал Алекс, возвращая себе холодный тон. — Сегодня я спас твою руку. Завтра я спасу твои кварталы от факелов Золотой Стражи. Взамен — ваши глаза.

Боров тяжело кивнул. — Мои ребята посмотрят. Если кто-то в Ямах начинает вести себя... тихо... мы узнаем.

— Мои «Крысы» будут слушать трубы, — добавил Шептун. — Если в вентиляции пахнет не дерьмом, а больницей — я дам знать.

— А ты? — Алекс посмотрел на Клеща.

Клещ покрутил стилет и ловко спрятал его в рукаве. — «Кинжалы» не смотрят, — сказал он. — «Кинжалы» режут. Но я скажу своим, чтобы не трогали людей с серебряными нитями. Слишком грязная работа. А за грязную работу я не берусь.

— Это не грязная работа, — Алекс поднялся. — Это вскрытие.

Он направился к выходу, к «Коровьей кишке».

— Алекс, — окликнул его Боров.

Алекс обернулся.

— Если найдешь того, кто это делает... — Боров почесал свою огромную шею. — Если он попадет к нам в руки... Как ты хочешь, чтобы мы с ним поступили?

Алекс остановился на пороге темного тоннеля. Он посмотрел на лидера «Мясников», потом на «Крыс», потом на «Кинжалов».

— Живым, — сказал он. — Принесите его мне живым. И с полным набором зубов.

Он шагнул в тоннель.

Снова вонь. Слизь. Темнота.

Но теперь к этому примешивалось еще кое-что. Напряжение.

Когда крышка люка «Пьяного Гоблина» закрылась, отрезая свет, Клещ медленно разжал пальцы. Стилет упал на стол.

— Он изменился, — тихо сказал Шептун, вытирая брызги воды с лица. — В нем раньше было... больше яда. Сейчас там лед.

— В нем всегда был лед, — Боров взял со стола зуб на серебряной нити, который Алекс оставил. Повертел его в пальцах-лопатах. — Просто раньше он его прятал, чтобы согреться. А теперь ему нравится холод.

Клещ молчал. Он смотрел на вход в тоннель, где исчезла фигура Серого Кардинала. Алекс не просто просил об услуге. Он перекраивал карту влияния. Он использовал страх перед неизвестным культом, чтобы связать три враждующие банды одной цепью. И он сделал это, не заплатив ни медяка вперед, лишь пообещав защиту от Короны.

Но Клещ, в отличие от Борова, видел не только силу. Он видел дыру в броне. Архив. Озон. Алекс спустился в Ямы, чтобы нанять бандитов, но его мысли были там, наверху, в королевских подземельях. Он искал что-то в книгах.

Клещ подобрал стилет, вытер его о край скатерти и спрятал. — «Живым», — прошептал он, повторяя слова Алекса. — Какая расточительность.

Алекс выбрался из «Коровьей кишки» в глухой тупик за старой прачечной. Дождь, наконец, закончился, оставив после себя лишь тяжелую испарину.

Он снял камзол. Ткань на спине была влажной от пота — не от физической нагрузки, а от того колоссального напряжения, которое требовало его «спокойствие». Разговор в «Гоблине» был минным полем. Одно неверное слово, один дрожащий мускул на лице — и три хищника вцепились бы ему в плоть, чтобы выяснить, не ослабел ли вожак стаи.

Демонстрация со стилетом была не просто пижонством. Это была необходимая инъекция страха. В Слепой Зоне слабость пахнет кровью, и этот запах привлекает акул быстрее, чем кровь в воде.

Он накинул камзол на плечи. Ткань неприятно холодила разгоряченную кожу.

Договор был заключен. Три банды — это сеть, охватывающая почти весь Вер-Рош, от сточных коллекторов до крыш купеческих гильдий. Если «Разбитое Сердце» делает хоть один вдох в пределах городских стен, Шептун это услышит. Если они прольют хоть каплю крови, Боров это увидит. Если они купят хоть один клинок, Клещ это почувствует.

Но Алекс понимал пределы их возможностей. Бандиты — это хаос. Культ — это математика. «Они принесут его живым». Алекс усмехнулся в темноту. Клещ был прав. Это расто-

чительство. Живой фанатик с промытыми мозгами — это бомба с тикающим механизмом. Но Алексу не нужна была информация, которую можно выбить клещами. Ему нужен был *процесс*. Ему нужно было увидеть, как работает их «Перелом». Ему нужно было понять, как превратить человека в идеальный, безвольный инструмент геометрии.

Он достал из кармана серебряные часы. Подарок от одного покойного барона, который думал, что может купить верность. Механизм внутри был швейцарским, точным.

Половина третьего утра.

У него есть еще несколько часов темноты.

Он не пошел сразу в Слепую Зону, чтобы лечь на свою койку в насосной станции. Сон сейчас был непозволительной роскошью. Сон — это потеря контроля.

Алекс пошел в сторону Шлаковых Ям. Не в сам «Пьяный Гоблин», а выше, к границе Четвертого Кольца.

Там, в лабиринте складов, находился его «черный кабинет». Место, куда не было хода даже Борову.

Малая комната над лавкой торговца специями. Пахло корицей и смертью.

Алекс запер за собой дверь на три засова. Достал из тайника в полу тяжелый кожаный саквояж.

Внутри, переложённые ватой, лежали инструменты, которых не было в обычном арсенале. Хирургические пилы из лучшей стали. Набор расширителей. И самое главное — набор серебряных игл. Точно таких же, какие торчали из тела барона фон Грасса. Алекс заказал их у лучшего ювелира Верхнего Кольца под предлогом создания уникального парового механизма.

Он сел за стол. Развернул карту Вер-Роша, которую забрал из Архива — копию, снятую на тонкий шелк.

Он воткнул булавку в точку «Пьяный Тупик». Вторую — в Скотобойню. Третью — в Кладбище машин.

Треугольник. Он достал циркуль. Нашел геометрический центр треугольника. Точка легла прямо на границу между Старым Храмом Механиков и заброшенными катакомбами под Монетным Двором.

— Слишком просто, — пробормотал Алекс.

Культы любят драму. Они любят заброшенные соборы и древние алтари. Но «Разбитое Сердце» выросло из трущоб. Они прагматики.

Алекс посмотрел на карту иначе. Не как на улицы. Как на схему кровотока. Королевский дворец — сердце. Гильдии — легкие. Нижнее Кольцо — кишечник.

Символы появлялись на периферии. В местах, где Город избавлялся от отходов. Тупик — мусор. Скотобойня — биологические отходы. Кладбище машин — технологический мусор.

Они не просто метят территорию. Они... фильтруют. Собирают образцы.

Алекс выдвинул ящик стола. Достал оттуда зуб на серебряной нити. Тот самый, из Пьяного Тупика. Поднес его к лампе. Серебро было чистым. А вот на кости...

Он достал из саквояжа увеличительное стекло. Склонился над столом. При максимальном приближении он увидел то, что пропустил в Архиве. На поверхности зуба, в микроскопических порах, застряли частицы. Не грязь. Металлическая пыль. Мельчайшая, почти невесомая. Синеватого оттенка.

Алекс осторожно, пинцетом, извлек несколько крупинок. Положил их на предметное стекло.

Он подошел к углу комнаты, где стоял его главный рабочий инструмент — громоздкий, собранный им самим оптический микроскоп с системой линз, стоявшей целое состояние.

Он закрепил стекло. Приглушил верхний свет. Склонился к окулярам.

Мир исчез. Остался только свет лампы, проходящий через линзы, и то, что лежало на стекле.

Пыль не была однородной. Это были чешуйки. Микроскопические, идеальной шестиугольной формы. Как у бабочки, но сделанные из металла. И они... двигались.

Едва заметно. Они слабо пульсировали, реагируя на тепло лампы.

Алекс отпрянул от микроскопа. Его сердце, обычно такое же холодное, как сталь его стилетов, пропустило удар.

Это не просто культ. Это не просто безумцы с ножами.

Это бионика. Это сплав живой плоти и машинерии на уровне, который и не снился Гильдии Механиков. Гильдия Механиков строила паровые протезы. Они прикручивали железо к кости.

Здесь же... Здесь металл *рос* внутри кости. Серебряная нить не просто продета в зуб. Она срослась с ним.

— Пилигрим, — прошептал Алекс в тишину комнаты. — Ты не просто разбил свое сердце. Ты построил новое.

Он снова посмотрел на карту. На треугольник. Центр. Заброшенные катакомбы.

Но катакомбы — это тупик. Там нет ресурсов. Нет энергии.

Алекс перевел взгляд чуть выше. Прямо под Монетным Двором, в самом сердце финансовой мощи Вер-Роша, находилась старая, заброшенная ветка пневматической почты. Огромные трубы, по которым когда-то летали капсулы с золотом и документами. Ее забросили десять лет назад из-за утечек.

Алекс подошел к карте. Приложил линейку. Пневматическая почта проходила ровно под всеми тремя точками, где были найдены символы. Она была их позвоночником.

— Вот куда они уносят бродяг, — сказал Алекс. — Не в канализацию. В трубы.

В трубах пневматической почты всегда поддерживалось избыточное давление. Идеальное место, чтобы скрыть лабораторию. Шум насосов скроет крики. А старые ремонтные шлюзы позволят входить и выходить незамеченными прямо в подвалы Монетного Двора или Храма Механиков.

Алекс начал быстро собирать саквояж. Он не будет ждать, пока люди Клеща или Борова что-то найдут. К тому времени культ найдет их самих.

Он открыл потайную панель в стене. За ней висел другой комплект одежды. Не камзол аристократа. Плотная кожа, прошитая стальными нитями. Маска-респиратор. И тяжелый, широкий тесак, баланс которого был рассчитан не на фехтование, а на рубку.

Если «Разбитое Сердце» — это болезнь Города, то Алекс собирался стать лихорадкой.

Он затянул ремни португеи. Проверил, легко ли выходят клинки из ножен.

В дверь постучали.

Тихо. Три удара.

Алекс замер. Это был не ритм «Гоблина». Это был ритм Слепой Зоны.

Он подошел к двери, держа наготове тесак. — Кто? — Шептун, — прохрипели из-за двери. — Открывай. Быстро.

Алекс отодвинул засов.

В комнату ввалился Шептун. Один. Без своей обычной свиты. Он был бледен, как полотно, и его дорогой сюртук был порван на плече.

— Они нашли меня, — выдохнул он, сползая по стене на пол. — Я... я просто проверял слухи. В старых тоннелях у Рва. Там какой-то свет... синий. И запах... как в операционной.

— Ты привел хвост? — холодно спросил Алекс.

— Нет! — Шептун затряс головой. — Я ушел по «Крысиным тропам». Но они... они знают, Алекс. Они знают, что мы говорили в «Гоблине».

Алекс подошел к нему. Опустился на корточки. Взгляд его стал острым, как скальпель. — Что ты видел?

— Людей, — прошептал Шептун. — В балахонах. Но они... они не шли. Они... плыли над землей. У них нет ног. Вместо ног — какие-то... поршни. И руки... их руки светятся.

— Где? — Алекс схватил его за плечи. — Где именно?

— Старый шлюз Пневматики! — выпалил Шептун. — Под Четвертым Кольцом! Там... там гора тел, Алекс. Они сваливают их в кучу. Как дрова. Они еще дышат.

Алекс отпустил его. Он встал.

— Сиди здесь, — приказал он. — Не высовывайся. Если через час я не вернусь, бери своих «Крыс» и беги из города. Через порт.

— Алекс, не надо, — Шептун попытался схватить его за штанину. — Их там десятки. С машинами вместо рук. Ты не выстоишь.

Алекс посмотрел на него сверху вниз. В полумраке комнаты его глаза казались двумя провалами в бездну.

— Я не собираюсь выстаивать, — сказал он. — Я собираюсь резать.

Он надел маску, взял тесак и шагнул к выходу.

Ночь в Вер-Роше только начиналась. И где-то под землей, в темноте пневматических труб, билось новое, механическое сердце Города.

Алекс собирался его остановить. Или заменить своим.

Глава 4. Любовь и яд

Путь от Шлаковых Ям до Слепой Зоны занял у Алекса двадцать минут. Он не бежал — бегущий человек в трущобах привлекает внимание, как факел в пороховом погребе. Он скользил вдоль стен, используя тени как вторую кожу, обходя редкие патрули Золотой Стражи, которые спускались сюда лишь большими отрядами и только днем.

Насосная станция встретила его мертвой тишиной.

После вони «Пьяного Гоблина», запаха мокрого камня в тоннелях и металлического привкуса страха, исходившего от Шептуна, чистый, фильтрованный воздух его дома ударил в ноздри запахом озона и одиночества.

Алекс сбросил кожаный плащ прямо на пол. Тяжелый тесак, пропитанный подземной сыростью, он аккуратно положил на верстак. Он не стал зажигать верхний свет. Хватило тусклого синего свечения светлячков, вживленных в вентиляционную решетку.

Он прошел в кабинет. Карта Вер-Роша на столе все еще была утыкана булавками. Рядом лежал открытый саквояж с хирургическими инструментами. Алекс налил себе воды. Руки слегка подрагивали. Не от страха перед тем, что ждет его в катакомбах под Четвертым Кольцом. Адреналин от предстоящей резни всегда действовал на него как ледяной душ — прояснял разум, убирал лишние мысли.

Дрожь была вызвана другим.

Он сел в кресло. Сделал глоток.

И только тогда он увидел шкатулку.

Она стояла на краю стола, там, где он ее не оставлял.

Маленькая, размером с две ладони, из темного, почти черного дерева. Резьба на крышке изображала терновый венец, оплетающий сломанную розу. Алекс не касался ее. Он просто смотрел.

Его система безопасности была идеальной. Микрочастицы талька на подоконниках, едва заметные волоски, приклеенные к стыкам ящиков, и старый, но безотказный механизм под половицей, реагирующий на вес.

Нигде не было следов взлома.

Тот, кто вошел сюда, либо не оставил следов, либо... либо этот замок был открыт правильным ключом.

Алекс медленно протянул руку. Его пальцы замерли в дюйме от крышки.

Два года.

Двести четыре недели. Семьсот тридцать дней он просыпался и засыпал с мыслью о том, что сделает с ней, если найдет. Он потратил состояние на информаторов, перекопал половину архивов, подкупил половину чиновников порта. Элиза ди Кроне исчезла. Испарилась, прихватив с собой не только его деньги, но и его веру в то, что в этом городе можно доверять хоть кому-то, кроме собственной тени.

Он открыл шкатулку.

Внутри не было золота. Не было ядовитых змей. Там лежало письмо. Плотная бумага кремового цвета, запечатанная сургучом. Оттиск печати — лилия, пронзенная кинжалом. Герб рода ди Кроне.

Алекс сорвал печать. Развернул лист.

Письмо было коротким. Слишком коротким для женщины, которая любила писать про- странные поэмы о своей загубленной душе.

Всего одна фраза, написанная ее знакомым, летящим почерком с сильным наклоном вправо:

«Они вернулись. Ищи Багровую Деву».

Черные чернила на кремовой бумаге.

Алекс сидел неподвижно. Он слышал, как гудит Машинное Ядро глубоко под землей. Он слышал, как капает конденсат с труб в углу.

«Они вернулись». Култ. «Разбитое Сердце». Элиза знала о них.

«Ищи Багровую Деву». Это не имя. Это титул. Или ориентир.

Ярость пришла не сразу. Она поднялась из желудка ледяной волной, выжигая кислород из легких.

Алекс сжал письмо в кулаке. Бумага затрещала.

Два года. Он строил свою империю в Слепой Зоне по кирпичику. Он отмывался от крови, которой был заляпан по самую макушку. Он пытался стать скальпелем — точным, холодным, бесстрастным инструментом.

Она оставила его умирать.

Он помнил тот день с пугающей, фотографической ясностью. Особняк барона Солье. Тот самый барон, который сейчас лежал семью кусками на стене. Тогда, два года назад, они с Элизой работали вместе. Не как «Серый Кардинал» и его загадочная помощница. Как партнеры. Равные. Они делили одну постель, одно вино и один револьвер с разрывными пулями.

Заказ был простым: изъять компромат на Герцога Валериана. Тот же самый Валериан, который сейчас торгует артефактами.

Алекс помнил запах ее волос — корица и порошок. Помнил, как она смеялась, когда он вскрыл сейф за картиной. «Ты слишком долго возишься, Алекс, — сказала она тогда. — Дай я».

Она подошла сзади. Обняла его за плечи, прижалась щекой к его щеке, якобы помогая с механизмом. А затем вогнала ему в плечо иглу, пропитанную нейротоксином.

Боль была мгновенной и абсолютной. Мышцы превратились в камень. Он не мог даже выдохнуть.

Она отстранилась. В ее глазах не было триумфа. Там была пустота, которую он тогда принял за профессиональную сосредоточенность. — Прости, — сказала она. — Но ты слишком сентиментален. А Валериан платит за жестокость.

Она забрала бумаги. Забрала их общие сбережения — сорок тысяч империалов, спрятанные в тайнике за плинтусом. И на прощание, уже от дверей, она выстрелила.

Пуля из ее маленького карманного пистолета вошла ему в правое плечо, раздробив сустав. Она целилась в сердце, но он в последний момент, на одних рефлексх отравленного тела, дернулся в сторону.

Если бы она хотела его убить, она бы подошла и перерезала горло. Пуля была прощанием. Меткой.

Шрам под ключицей до сих пор ныл к дождю. Металлическая пластина, которую ему вшил подпольный хирург, чтобы скрепить кость, иногда холодела так, что казалось, будто в его теле кусок льда.

Алекс разжал кулак. Письмо упало на стол.

Он встал. Подошел к бару, вмонтированному в стену. Достал тяжелый хрустальный бокал. Единственный предмет роскоши, который он себе позволил.

Он поднял его над каменной столешницей.

— За возвращение старых долгов, — прошептал он.

И разжал пальцы.

Хрусталь ударился о камень. Звук был высоким, чистым, режущим слух. Бокал разлетелся на сотни сверкающих осколков.

Один из них, острый, как бритва, отлетел и рассек тыльную сторону его левой ладони.

Алекс посмотрел на кровь. Темная, почти черная в синем свете светлячков.

Ярость схлынула так же быстро, как и нахлынула. Остался только холод.

Элиза не прислала бы это письмо, если бы хотела его добить. Она не из тех, кто наслаждается триумфом издалека. Она — хищница. Если она выходит из тени, значит, охота началась, и ей нужна свора.

«Они вернулись». Значит, два года назад в деле барона Солье она не просто предала его ради денег Валериана. Она переметнулась на другую сторону. К «Разбитому Сердцу».

Алекс подошел к раковине. Открыл холодную воду. Сунул под струю раненую руку. Кровь смешалась с каплями, закручиваясь в розовые спирали.

«Багровая Дева». Он прокручивал в голове все, что знал о культе из Архива. Пилигрим. Фракталы. Механическое сердце. Ничего о Девах.

Но Элиза никогда не говорила прямо. Она говорила загадками, цитатами из запрещенных поэтов. «Багровая» — кровь. «Дева» — жертва? Или символ?

Алекс отнял руку от воды. Рана была чистой. Он достал из саквояжа моток шелковой нити и иглу. Не морщась, он принялся накладывать шов. Стежок. Узел. Стежок. Узел. Движения были автоматическими, отработанными годами.

Его мозг работал параллельно.

Элиза исчезла два года назад. Культ «Разбитое Сердце» считался уничтоженным сто лет назад. Связи нет.

Если только...

Алекс закончил со швом. Отрезал нить.

Если только культ не уходил в спячку.

Он подошел к карте. Снял булавки, обозначавшие места преступлений. Тупик. Скотобойня. Кладбище. Это были места *силы*. Места, где Город истекал отходами.

Но Элиза всегда интересовалась красотой. Уродливой, декадентской, но красотой.

Он подошел к книжному шкафу. Нижняя полка. Книги, которые он не показывал даже Хранителю Архива. Альбомы по искусству. Он достал тяжелый фолиант в переплете из синей кожи. «Иконография Мученичества. Том II: Женские образы».

Алекс сел за стол. Открыл книгу наугад. На пожелтевшей странице была гравюра. Женщина в изорванном платье, привязанная к колесу. Но художник эпохи Раскола изобразил ее не жертвой. В ее глазах была экстатическая радость. Из ее груди, там, где должно быть сердце, торчала не рука палача, а сложный механизм из шестеренок и трубок, из которого текла не кровь, а густая багровая жидкость, похожая на смолу.

Подпись под гравюрой гласила: «*Mater Dolorosa Mechanica — Багровая Дева скорби*».

Алекс подался вперед.

Он достал из ящика стола лупу. Механизм в груди Девы. Он был нарисован слишком детально. Центральная сфера. От нее отходят трубки. Алекс достал из кармана зуб на серебряной нити. Сравнил. Серебряные нити. Узлы.

Это не просто культ. Это техномантия. Слияние боли, плоти и машин.

«Багровая Дева» — это не человек. Это икона. Или схема.

Алекс перевернул страницу. Следующая гравюра. Та же Дева, но уже в профиль. За ее спиной — улей. Вер-Рош. Из труб улья идет дым. Но если присмотреться... дым складывался в буквы.

Староэносский шифр.

Алекс отодвинул книгу. Его глаза бегали по строчкам, которые он видел насквозь. Шифр был простым. Пилигрим любил игры.

«Где кровь встречается с паром, там я обрету плоть».

Алекс откинулся на спинку кресла. Где кровь встречается с паром. Скотобойня — кровь. Котельные — пар. Но это слишком мелко для Пилигрима. Он мыслит категориями Города.

Королевский Дворец — сердце (кровь аристократов). Машинное Ядро — легкие (пар).

Точка их пересечения. Главный коллектор. Место, где сточные воды, смешанные с кровью жертв ритуалов, попадают в систему охлаждения Машинного Ядра.

Алекс посмотрел на карту. Главный коллектор находился глубоко, на самом дне Вер-Роша, прямо под фундаментом Башни Шипов.

— Слишком глубоко, — пробормотал Алекс. — Если бы они строили главный алтарь там, Шептун услышал бы вибрации труб.

Значит, «Багровая Дева» — это не место. Это ключ. Ключ к чему?

Он снова посмотрел на шкатулку. Черное дерево. Терновый венец. Он взял ее в руки. Она была тяжелой.

Алекс осторожно потряс ее. Внутри что-то сухо щелкнуло. Двойное дно.

Он нащупал крошечный паз на боковине. Нажал. Деревянный язычок поддался с едва слышным скрипом.

Нижняя крышка отошла.

В тайнике лежал один предмет.

Медальон. Овальный, размером с глаз. Черный оникс в оправе из белого золота.

Алекс взял его. Оправа была теплой. Он щелкнул замочком.

Медальон раскрылся.

Внутри не было портретов. Слева — его собственное лицо. Миниатюра, написанная акварелью. Он был моложе на три года. Еще без шрама на лице, который оставил ему один из людей Клеца за долги. Взгляд дерзкий, улыбка наглая.

Справа...

Алекс задержал дыхание.

Справа была Элиза. Нарисованная тем же летящим почерком, что и письмо, но не чернилами, а тончайшими слоями эмали. Она смотрела прямо на него. В ее глазах плясали те самые безумные огоньки, за которые он ее когда-то полюбил.

На шее у нее, на тонкой цепочке, висел тот самый символ. «Разбитое Сердце».

Алекс сжал медальон так, что металл врезался в ладонь.

Она не просто ушла к ним. Она *стала* одной из них. И судя по тому, как ювелирно выполнена миниатюра, она сделала это задолго до того, как предала его в доме барона Солье.

Значит, два года назад он не был целью. Он был средством. Валериан платил за компромат? Нет. Валериан платил за то, чтобы Алекс вскрыл сейф Солье. А Элизе нужно было, чтобы Алекс нейтрализовал охрану. Она использовала его, как хирург использует расширитель.

— Сука, — выдохнул Алекс.

Внезапно медальон в его руке дернулся.

Левая створка, где был его портрет, начала нагреваться. Тепло становилось обжигающим. Алекс разжал пальцы, готовясь бросить медальон на пол, но не успел.

Из-под оникса вырвалось облачко сизого, светящегося газа.

Газ не имел запаха. Он просто окутал голову Алекса, проникая в легкие с вдохом.

Мир вокруг не изменился. Стол, карта, разбитый бокал — все осталось на местах. Изменился Алекс.

Ярость, холод, страх, жажда мести — все это исчезло. Выгорело, как фитиль. Осталась только кристальная, звенящая пустота.

Он смотрел на свои руки. На шрам на ладони. На шов на плече. Он чувствовал, как бьется его сердце. Раз. Два. Три.

Он не был собой. Он был точкой наблюдения.

В его ушах зазвучал голос. Не голос Элизы. Голос был мужским, сухим, лишенным эха. «Сердце бьется. Кровь греет. Но сталь не чувствует. Ты понимаешь, Алекс?»

Алекс не ответил. Он не мог. Его губы не слушались.

«Ты ищешь Деву. Ты ищешь ее в камне и металле. Как примитивно. Дева — это не икона. Дева — это сосуд. И она уже полна».

— Где? — спросил Алекс.

Слова вырвались сами. Он не хотел их говорить. Его рот открылся, и звук родился где-то в глубине гортани.

«Там, где тень касается огня. Приходи один. Приходи с пустыми руками. Мы починим тебя, Кардинал. Мы уберем этот уродливый шрам. Мы дадим тебе настоящее сердце. Которое не болит».

Газ начал рассеиваться. Синеватые нити втянулись обратно в оникс.

Алекс моргнул.

Он стоял посреди кабинета, сжимая в руке раскаленный медальон. Боль в пальцах привела его в чувство. Он с проклятием разжал руку.

Медальон упал на стол.

Алекс тяжело оперся о столешницу. Его трясло. Не от яда. От осознания.

Это не просто газ. Это психотропное оружие. Оно обошло его защиту, его паранойю, его ледяное спокойствие. Оно ударило прямо в ту часть его души, которая два года точила нож для Элизы.

Она знала его. Лучше, чем он сам.

«Приходи с пустыми руками». Она знала, что он никогда не расстанется с оружием. Она хотела, чтобы он пришел уязвимым.

«Мы починим тебя». Она знала про его плечо. Про металлическую пластину. Про то, как он просыпается по ночам от фантомных болей.

Алекс поднял взгляд на карту. «Где тень касается огня».

Тень — это Слепая Зона. Это он сам. Огонь — это Машинное Ядро. Или...

Он посмотрел на разбитый хрустальный бокал. Осколки лежали в луже воды. Вода преломляла свет лампы. На стене, за его спиной, плясали тени.

Тень от его фигуры. И в этой тени, там, где должна была быть голова, четко вырисовывался силуэт рогов. Или... короны.

Алекс обернулся.

На стене, освещенной лампой, была тень. И прямо в центре этой тени, на камне, кто-то нарисовал символ. Свежей кровью.

Алекс подошел ближе. Символ был идентичен тому, что он нашел в Пьяном Тупике. Семь узлов. Но он был нарисован поверх его собственной тени.

Он посмотрел на свою левую руку. Порез от бокала затянулся. Кровь больше не шла.

Он посмотрел на стол. Письмо Элизы. «Ищи Багровую Деву».

Алекс медленно поднял руку и провел ладонью по стене, стирая символ.

Элиза не просто бросила ему вызов. Она начала игру. Она знала, что он пойдет в катакомбы. Она знала, что он будет рыть землю. А она тем временем нарисовала его портрет в своем медальоне и отправила ему «поцелуй» с ядовитым газом.

Он посмотрел на свое отражение в осколке хрусталя на полу. Лицо было бледным. Глаза — темными провалами.

Он ненавидел ее. Всем своим существом, каждой клеткой своего изломанного тела. За предательство. За пулю. За то, что она знала его слабости.

Но глядя на этот осколок, на свое искаженное отражение, он почувствовал кое-что еще. Уважение.

Она была лучшим хищником, чем он. Она играла на уровень выше.

Алекс подошел к верстаку. Достал из ящика тяжелый свинцовый футляр. Он не возьмет в катакомбы тесак. Он не возьмет пистолеты. Если она хочет «пустые руки», она их получит.

Но «пустые» — понятие относительное.

Он открыл футляр. Внутри, на бархатной подкладке, лежали не клинки. Там лежали хирургические инструменты. Костные пилы. Кюретки. Набор игл для трепанации. И пузырек с концентрированной кислотой.

Алекс начал раздеваться. Он снял камзол. Рубашку. Он остался в одних штанах и ботинках.

Его тело было картой его жизни. Пересечение шрамов на ребрах — стычка с людьми Борова в двадцать лет. Ожог на бедре — неудачный эксперимент с алхимической гранатой. И рваный, уродливый провал на правом плече. Входное отверстие от пули Элизы.

Он подошел к зеркалу, висевшему на двери. Посмотрел на свое отражение.

— Багровая Дева, — сказал он своему двойнику. — Ты хочешь, чтобы я пришел к тебе с пустыми руками?

Он взял со стола самый тонкий скальпель.

— Ты хочешь увидеть мое сердце?

Он поднес лезвие к своему левому плечу, к тому месту, где под кожей скрывалась ключица.

Элиза думала, что играет с призраком. С «Серым Кардиналом». Но «Серый Кардинал» — это маска. Это должность в иерархии Слепой Зоны.

Она забыла, кем он был до того, как спустился под землю.

Алекс закрыл глаза.

Он приставил острие скальпеля к коже.

— Я не Кардинал, Элиза, — прошептал он в тишину станции. — Я — Мясник.

Лезвие вошло в плоть. Холодно. Точно. Без дрожи.

Он начал резать. Не глубоко. Только кожу. Буква за буквой, он выводил на своей груди староэносский символ, который нашел в книге.

Символ «Разбитого Сердца».

Он вырезал его на себе. Своей кровью. Своей болью.

Если культ требовал «Перелома» — прохождения через абсолютную боль для обретения свободы — то Алекс собирался пройти этот путь прямо сейчас.

Он не будет искать их логово во тьме. Он станет тьмой.

Когда последняя линия была завершена, Алекс бросил скальпель в таз с водой. Кровь густыми каплями падала на каменный пол.

Он стоял посреди комнаты, тяжело дыша. Боль была острой, но она очищала. Она вымывала из него остатки яда Элизы, остатки его любви, остатки его слабости.

Остался только функционал.

Алекс взял со стола письмо. «Ищи Багровую Деву».

Он поднес уголок листа к пламени лампы. Бумага почернела, вспыхнула и превратилась в пепел.

Он знал, куда идти. «Где тень касается огня».

В Вер-Роше было только одно место, где тень самого высокого здания города — Башни Шипов — в полдень падала прямо на жерло Машинного Ядра.

Площадь Павших.

Но идти туда сейчас, ночью, было бы ошибкой. Это слишком очевидно.

Алекс подошел к карте. Стер с нее старые метки. Он посмотрел на символ, который только что вырезал на своей коже. Рана начала пульсировать в такт биению сердца.

Он достал из ящика стола баночку с мазью. Густая, зеленая, пахнущая травами и смертью. Начал втирать ее в свежий порез.

Элиза дала ему имя. «Багровая Дева». Он даст им ответ.

Алекс подошел к своему рабочему столу. Вытянул нижний ящик до упора. Нашупал скрытую пружину.

Дно ящика откинулось, открывая тайник.

Внутри лежал комплект одежды. Черный. Матовый. Не отражающий свет. И маска.

Но не простая кожаная маска убийцы. Это был сложный механизм, напоминающий противогаз, но выполненный из черного дерева и серебра.

Маска «Серого Кардинала».

Он не надевал ее два года.

Алекс взял маску в руки. Она была тяжелой и холодной.

— Отдохнули? — спросил он у маски. — У нас много работы.

Он начал собирать новую сумку. Никаких мечей. Никаких пистолетов. Только скальпели. Только кислота. Только шелковая нить.

Он посмотрел на шкатулку из черного дерева. Терновый венец. Он взял ее и, недолго думая, бросил в печь, где грелся котел станции. Дерево вспыхнуло мгновенно.

Элиза думала, что позвала его на свидание. На самом деле она разбудила зверя, который спал в руинах его души.

Алекс застегнул последнюю пряжку на своей новой, черной одежде. Надел тяжелые перчатки.

Он подошел к выходу. Остановился на пороге, ведущем в «Коровью кишку».

Оглянулся на свою станцию. На карту. На разбитый бокал.

— Если я не вернусь, — сказал он в пустоту, — продай насос Шептуну. Пусть подавится.

Он шагнул в тоннель.

Темнота сомкнулась за ним.

Но теперь он сам был этой темнотой. И где-то глубоко под землей, в лабиринтах пневматической почты, «Разбитое Сердце» уже чувствовало его приближение. Они думали, что зовут на бойню ягненка.

Они ошиблись.

На запах их крови шел волк, который только что вырезал свои собственные овечьи шкуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.